

Религиоведение. 2024. № 2. С. 98–118.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 2. P. 98–118.

DOI: 10.22250/20728662_2024_2_98

Зиненко Я.В.¹, Конталева Е.А.²

^{1,2} Амурский государственный университет
^{1,2} 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21
¹ yasya11111@mail.ru; ² narbeleth@bk.ru

Я.В. Зиненко

Е.А. Конталева

Шаманский костюм и атрибуты народов правобережья Амура начала XX в. как отражение межэтнического взаимодействия на территории дальневосточного фронта (по материалам доклада о результатах полевой экспедиции Э. Дж. Линдгрена в Северо-Западную Маньчжурию)

Аннотация. Авторами настоящей статьи впервые предпринимается попытка перевода и сравнительного анализа данных по шаманскому костюму и его атрибутам у дауров, солонов и нуминченов, полученных Э. Дж. Линдгреном методом включённого наблюдения в ходе продолжительных полевых экспедиций в Северо-Западную Маньчжурию в 1930-х гг. Этот регион исторически представлял собой место тесных межэтнических контактов различных народов: кочевых и оседлых, коренных и пришлых. В начале – первой половине XX века Северо-Восток Китая становится объектом научного изучения русских и иностранных учёных. Богатый материал, собранный в ходе экспедиций, лёг в основу многоаспектного – этнологического, этнографического, антропологического, религиоведческого и др. – изучения жизнестроительства проживавших на данной территории народов, этноэволюционных и этнотрансформационных процессов, механизмов восприятия категорий «свой-чужой», адаптации к новому, сохранения и изменения этнокультурной идентичности и многого другого. Шаманские

костюмы могут выступать в качестве маркеров присутствия этнических религий на карте религиозного ландшафта. Авторы данной статьи выявляют специфику межэтнического взаимодействия коренных народов указанного региона и его отражение во внешнем облике шаманского костюма и его атрибутах на основе анализа данных, полученных Э. Дж. Линдгреном. Основным источником для данного исследования послужила работа «Шаманский костюм дауров, солонов и нуминченов в Северо-Западной Маньчжурии» (англ. «The Shaman Dress of the Dagurs, Solons and Numinchens in N. W. Manchuria»), опубликованная в приложении к 17-му выпуску журнала «Geografiska Annaler» в 1935 г.

Ключевые слова: коренные народы, дальневосточный фронт, религиозный ландшафт, этнические религии, шаманизм, межэтническое взаимодействие

Yana V. Zinenko¹, Evgeniya A. Kontaleva²

^{1,2} Amur State University
^{1,2} 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveshchensk, 675027, Russia
¹ yasya11111@mail.ru; ² narbeleth@bk.ru

Shamanic Costume and Paraphernalia of the Peoples of the Right Bank of the Amur River in the Early 20th Century as a Reflection of Ethnic Interaction on the Territory of the Far Eastern Frontier (Based on the Report on the Results of E.J. Lindgren's Field Expedition to Northwestern Manchuria)

Abstract. The authors of this article for the first time attempt to translate and compare the data on the shamanic costume and its attributes among the Dagurs, Solons and Numinchens, obtained by E. J. Lindgren by the method of included observation during long field expeditions to Northwestern Manchuria in the 1930s. Historically, this region has been a place of close interethnic contacts between various peoples: nomadic and settled, indigenous and newcomers. In the early – first half of the 20th century, Northeast China became the object of scientific interest of Russian and foreign researchers. The rich material collected during the expeditions formed the basis for a multidimensional – ethnological, ethnographic, anthropological, religious, etc. – study of the life-building of the peoples living in this territory, ethno-evolutionary and ethno-transformational processes,

mechanisms of perception of the categories of “us/them”, adaptation to the new, preservation and change of ethnocultural identity and much more. Shamanic costumes can be markers of the presence of ethnic religions on the map of the religious landscape. The authors of this article identify the specifics of interethnic interaction of the indigenous peoples of the specified region and its reflection in the appearance of the shamanic costume and its attributes based on the analysis of data obtained by E. J. Lindgren. The main source for this study was the work “The Shaman Dress of the Dagurs, Solons and Numinchens in N. W. Manchuria”, published in the appendix to the 17th issue of the Geografiska Annaler journal in 1935.

Key words: indigenous peoples, Far Eastern frontier, religious landscape, ethnic religions, shamanism, ethnic interaction

Введение

Северо-Западная Маньчжурия – историческая территория в бассейнах Аргуни, Амура, Нонни и степях Восточной Монголии. В настоящее время относится к Северо-Восточному Китаю: район Хулунбуир Внутренней Монголии и пров. Хэйлуцзян. Этот регион выступал ареной культурного, бытового, этнического взаимодействия русских, ороحوнов, якутов, дауров, салонов, монголов, бурятов и других народов, ведущих кочевой и оседлый образ жизни, участвующих в миграционных процессах. Об этом свидетельствуют результаты полевых экспедиций русско- и англоязычных учёных в первой половине XX в. в район Барги¹ и в Северо-Западную Маньчжурию.

В 1905 г. под авторством офицера Русской армии, востоковеда, специализирующегося на изучении Маньчжурии и Монголии Алексея Михайловича Баранова (1865–1927) вышла работа «Монголия, Барга и Халха» [Баранов, 1905], в 1912 г. отдельным изданием была опубликована работа «Барга» [Баранов, 1912]. В издании были представлены данные об истории и географическом положении региона, населении, его этническом составе, социальной иерархии, религии, а также схемы и карты, составленные автором в ходе полевых экспедиций. А.М. Баранов специализировался на исследовании народов вышеуказанного региона и позднее опубликовал ряд важных работ по истории, религии, численности кочевников – например, «Барга» [Баранов, 1925] и «Историческое прошлое Маньчжурии» [Баранов, 1928]. В них он отразил не только сухие факты, но и уделил внимание межэтническому взаимодействию, религиозному синкретизму. Эти экспедиции были направлены, с одной стороны, на изучение сложного региона с точки зрения миграции населения и картографии, с другой стороны – на сбор разведывательных фактических данных по численности, быту, верованиям народов с целью реконструкции реальной картины.

В первой половине XX в. изучением народов Северо-Западной Маньчжурии занимались С.М. и Е.Н. Широкогоровы. В 1915–1917 гг. ими была проведена полевая экспедиция к тунгусским народам, даурам и китайцам на приграничных территориях Сахаляна² и его округа и в Северо-Западной Маньчжурии [Забияко, Зиненко, 2020, 130–142]. В 1919 г. Е.Н. Широкогорова опубликовала работу «Северо-Западная Маньчжурия (Географический очерк по данным маршрутных наблюдений)», в которой помимо описания географических и ландшафтных условий региона привела данные о населении, в том числе о тунгусах-оленоводах [Широкогорова, 1919].

В 1920–30-е гг. на территории Барги вёл полевые работы В.А. Кормазов. Он занимался изучением кочевых народов (орочононов, солононов, баргутов и др.) и русских, заселивших данный регион в ходе миграционных процессов [Зиненко, Конталева, 2022, 253–265].

С 1926 г. в экспедиции, инициированной Дрезденским государственным музеем зоологии и этнографии, работал Вальтер Штётцнер (Walter Stötzner). Его маршрут пролегал по большой Амурской дуге, между Аргунью и Амуром в Северной Маньчжурии. Там он жил у солононов и был вылечен солонским шаманом от лихорадки: *«В твёрдом убеждении быть во всём статистом, я, по желанию шамана, с обнажённой верхней частью тела лёг на открытом воздухе на землю. <...> Во время танцев и пения я ничего особенного не ощущал, но когда действия кончились и стоящие вокруг меня солонны мне объяснили, что я могу идти – я встал и, к*

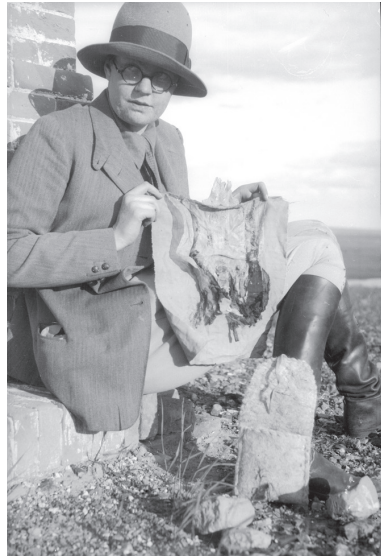
моему удивлению, почувствовал себя здоровым» [Штётцнер, 1928, 20–21]. В статье В. Штётцнера «Путешествие на Северо-восток от Мергена» опубликованы уникальные фотоснимки солонов, их быта, а также шамана в костюме, который Э. Дж. Линдгрэн описывает в своей статье. С 1931 по 1933 гг. немецкий учёный также работал в Хэйлунцзянской провинции в среде солонов-тунгусов [Рубеж, 1933; Забияко, 2014, 192–202].

С 1927 по 1930-е гг. в Северо-Западной Маньчжурии в сопровождении супруга О. Мамена (O. Mamen) работала Э. Дж. Линдгрэн (E.J. Lindgren). Основная цель экспедиций, результаты которых легли в основу докторской диссертации учёной, заключалась в изучении коренных народов Сибири, Монголии и Китая [Сирина, 2018, 108–109].

Этель Джон Линдгрэн (Ethel John Lindgren; 1.01.1905 – 23.03.1988) – британский этнолог и антрополог, член Британского королевского научного общества [Tyler, 1988, 40] (илл. 1). Родилась в 1905 г. в штате Иллинойс, США, в шведско-американской семье. На будущие научные взгляды и экспедиционные поездки исследователя на территорию Маньчжурии повлиял интерес отчима. Отчимом Э. Дж. Линдгрэн был Генри Эйкхейм (Henry Eichheim), известный американский композитор, дирижёр и этномузыковед. Он увлекался музыкой Юго-Восточной Азии, изучал и использовал её в своих произведениях. Семья много путешествовала по Японии и Китаю: именно тогда, как отмечают исследователи, Этель выучила китайский язык [Синёв, Синёва, 2017, 181]. Э. Дж. Линдгрэн получила фундаментальное образование в Кембриджском университете, где изучала синологию и психологию. В 1927 г. учёная впервые выехала в Северо-Западную Маньчжурию, где провела полевые исследования среди тунгусских народов, кочевавших вдоль р. Аргуни, а также среди русских в Трёхречье³ (илл. 2). В дальнейших экспедициях объектом изучения Линдгрэн остались эвенки и их традиционные верования, шаманские традиции и ритуалы. Исследовательница достаточно хорошо говорила на русском и китайском, понимала монгольский и эвенкийский языки, находилась в близких дружеских отношениях с тунгусской шаманкой «группы Ольги Кудриной» [Tyler, 1988, 40; Синёв, Синёва, 2017, 183]. Об Ольге Дмитриевне Кудриной – эвенкийской шаманке, проживавшей на территории Трёхречья в середине XX в. – писал А.М. Кайгородов, который неоднократно присутствовал при процессе её камлания [Кайгородов, 1968, 129–130; Зиненко, Цмыкал, 2022, 56]. По воспоминаниям Кайгородова, костюм О. Кудриной включал «<...> чёрное платье, прожжённое во многих местах. <...> бубен, который представлял собой решето, плетёное из конского волоса. Бубен был украшен многочисленными бубенчиками из жёлтой меди с разноцветными ленточками и кончиками белчих хвостов» [Кайгородов, 1970, 158].

При сборе полевого материала Э. Дж. Линдгрэн использовала метод включённого наблюдения, что дало возможность изучения шаманизма изнутри [Линдгрэн, 2016, 32]. Все экспонаты, собранные во время экспедиций Линдгрэн, хранятся сегодня в Музее антропологии и археологии в Кембридже.

Результаты исследований Э. Дж. Линдгрэн, работавшей в русле культурной антропологии, в российскую науку были введены сравнительно недавно. Переводы её научных статей на русский язык были выполнены в 2016–2018 гг. [Линдгрэн, 2016,

Илл. 1. Э. Дж. Линдгрэн возле китайской кумирни во время экспедиции в Северо-Западную Маньчжурию. В её руках – шаманский амулет, найденный в маленьком войлочном мешочке на алтаре. Китай, Внутренняя Монголия, Хулуьбуир, Хайлар. 14 июня 1929 г. Фото О. Мамена. Архив Музея антропологии и археологии, Кембридж, Великобритания. N.21288.LIN.

Линдгрэн, 2018]. Тем не менее, некоторые работы, например, «The Shaman Dress of the Dagurs, Solons and Numinchens in N. W. Manchuria» (1935), «Field work in social psychology» (1935) не переведены на русский язык и остаются без внимания отечественного научного сообщества.

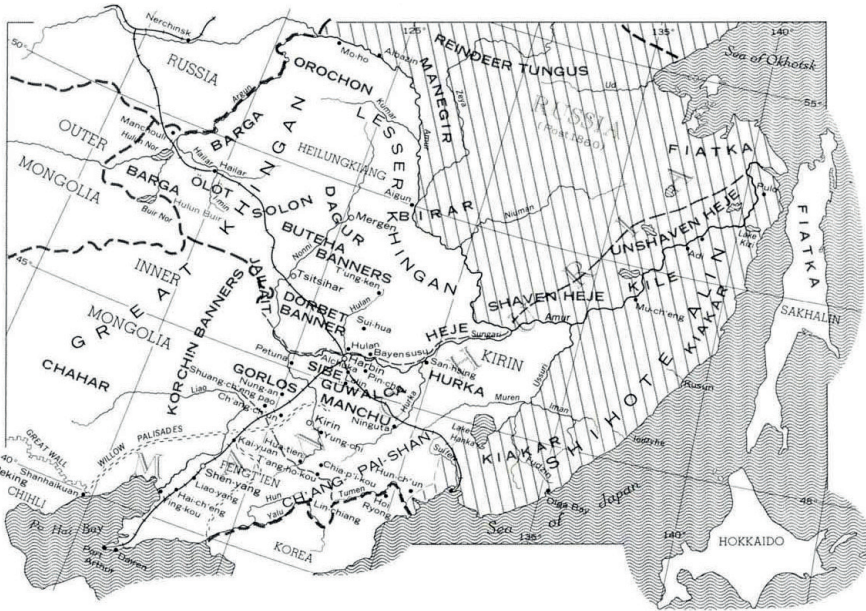
В первой половине XX в. Маньчжурия становится центром притяжения учёных. В силу известных политических событий первой половины XX в. в России, русские – в широком понимании – учёные оказываются в Северной Маньчжурии, прежде всего – в Харбине [Забияко А.А., Забияко А.П., 2015; Забияко, 2016; Цыкал, Зиненко, 2023]. А.М. Кайгородов подчёркивает: «Нельзя забывать, что в то время не только Трёхречье, где китайцы только появились, но и вся Внутренняя Монголия были для Китая далеким, малопонятным и неизученным краем» [Кайгородов, 1970, 142]. И для русских, оказавшихся в инокультурной среде, Маньчжурия была краем экзотическим, благодатным для активной работы востоковедов и этнографов. Различные научные объединения и организации, например, Общество изучения Маньчжурского края, Общество русских ориенталистов и т.д., ставили своей целью изучение малоизвестного края. В их задачи в первую очередь входили сбор и анализ полученных в полевых условиях данных как способа понимания ментальности дальневосточного фронта, установления механизмов взаимодействия с инокультурной средой. С другой стороны, изучение Маньчжурии ставили в свои задачи и зарубежные исследователи: «К таким малоизученным странам относится Маньчжурия, в особенности её северная часть, лежащая между р. Аргунью и Амуром. Эта область, круглым счетом в 150 000 кв. километров, остаётся совершенно неизвестной и неизученной для исследователей всех наций» [Штецнёр, 1928, 20]. Ввод в российский научный оборот данных по шаманским костюмам нуминчен⁴, солонов⁵ и дауров⁶ является весомым вкладом для оценки не только взаимодействия народов русско-китайского порубежья, но и отражением их этнокультурной идентичности на территории неоднородного и сложного в плане этнического и религиозного ландшафтов региона.

В XIX – первой половине XX вв. этот ландшафт включал в себя китайцев, маньчжуров, монголов (баргуты, олёты), дауров, солонов, бираров, орочонов, маньчжуров, гольдов, сибо и др. (илл. 3). Все эти народы участвовали в историческом взаимодействии и движении во времени и пространстве, зачастую приходя к продуктивному сосуществованию с «чужим», его позитивному усвоению и «ороднению». Подчас на этой почве формировался достаточно глубокий, органичный синтез, выразившийся в хозяйственных, традиционных, мировоззренческих, религиозных и, более того, ментальных особенностях и установках.

Цель настоящей статьи – выявить специфику межэтнического взаимодействия коренных народов указанного региона и его отражение во внешнем облике шаманского костюма и его атрибутах на основе анализа данных, полученных Э. Дж. Линдгрэн в ходе полевых экспедиций в Северо-Западную Маньчжурию в 1930-х гг. Основным источником для данного исследования послужила работа «Шаманский костюм дауров, салонов и нуминчен в Северо-Западной Маньчжурии» (англ. «The Shaman Dress of the Dagurs, Solons and Numinchens in N. W. Manchuria»), опубликованная в приложении к 17-му выпуску журнала «Geografiska Annaler» в 1935 г.

Илл. 2. Э. Дж. Линдгрэн с проводниками: Костенкиным, Степаном Петровичем, Иваном Степановичем, Екатериной Сократован, Анной Петровной. Экспедиция в Северо-Западную Маньчжурию. Барга, 14 августа 1929 г. Фото О. Мамена. Архив Музея антропологии и археологии, Кембридж, Великобритания. N.21748.LIN.

Илл. 3. Маньчжурский фронт после 1905 г. [Lee, 1970].

Работа содержит подробное описание шаманских костюмов и их атрибутов, например, головного убора (шаманской шапки), нагрудника, бубна. Текст сопровождается цветными иллюстрациями, фотоснимками дауров, солонов и нуминченов. Линдгрэн удалось заполучить один из костюмов хинганских тунгусов (нуминченов): «Костюм, воспроизведённый в приложениях 1–3 [сейчас находится в Университетском музее археологии и этнологии в Кембридже – прим. Э. Дж. Линдгрэн] является полнокомплектным типом шаманского облачения. Я приобрела его у группы хинганских тунгусов [я использую термин Широкогорова для обозначения этой группы (см. Социальная организация северных тунгусов, Шанхай, 1929, стр. 64–66) – прим. Э. Дж. Линдгрэн], живущих по рр. Чол и Имин, недалеко от водораздела Большого Хингана. Хотя они появились в этом регионе по меньшей мере сорок лет назад, они все ещё называют себя “Нуминчен” по названию р. Нумин на севере, откуда они пришли» [Lindgren, 1935, 365–366].

Описание Э. Дж. Линдгрэн шаманских костюмов и атрибутики

В предисловии к статье Э. Дж. Линдгрэн указывает: «Несколько видов шаманских костюмов до сих пор встречаются у монгольских и тунгусских племён в Восточной Азии, и тщательное их изучение должно выявить важные тенденции культурного влияния. В качестве небольшого вклада в решение этой проблемы я опишу типы костюма, которые носят шаманы дауров, солонов и нуминченов в Северо-Западной Маньчжурии» [Lindgren, 1935, 365].

Перечислим условные обозначения (табл. 1), которые будут встречаться в тексте первоисточника [Lindgren, 1935, 366–367].

Таблица 1 – Условные обозначения шаманских костюмов и их расшифровки, данные Э. Дж. Линдгрэн

Обозначение в оригинале	Принятая расшифровка
Num. 1	Нуминченский костюм-1. Костюм нуминченов с р. Имин. Наиболее полный по комплектации
Num. 2	Нуминченский костюм-2. Костюм шаманки с р. Чол, быстро осммотренный Э. Линдгрэн
Num. 3	Нуминченский костюм-3. Нуминченские шаманские атрибуты другой шаманки с р. Чол, которые Э. Линдгрэн наблюдала в использовании

Обозначение в оригинале	Принятая расшифровка
Num. 4	Нуминченский костюм-4. Нуминченские шаманские атрибуты бывшей шаманки с р. Чол, сошедшей с ума, которые Э. Линдгрэн видела издалека
Sol. 1	Солонский костюм-1. Костюм солонской шаманки с р. Имин, который Э. Линдгрэн дважды наблюдала в использовании и запечатлела на фото (Прил. 6б, 7б), но не смогла подробно изучить
Sol. 2	Солонский костюм-2. Костюм солонского шамана из Хайлара, который Э. Линдгрэн дважды наблюдала в использовании, но не запечатлела на фото и не смогла изучить
Sol. P.	Солонский костюм-П. Элементы шаманского костюма и атрибуты, названия которых указаны в «Материалах по солонскому языку» (1931) Н.Н. Поппе ⁷
Sol. S.	Солонский костюм-III. Костюмы, зафиксированные членами экспедиции В. Штёцнера ⁸ к солонам близ Харитуна (р. Молохо, левый приток р. Нонни). Культура этих солонов близка нуминченам
Dag. 1	Даурский костюм-1. Костюм даурской шаманки из Хайлара, который Э. Линдгрэн дважды наблюдала в использовании и запечатлела на фото (Прил. 7а, 8), но не смогла подробно изучить
Dag. P.	Даурский костюм-П. Костюм и атрибуты даурских шаманов, описанные Н.Н. Поппе в работе «Даурское наречие» со слов хайларских дауров в Урге, одним из которых был двоюродный брат (или сестра) хозяйки даурского костюма-1
Dag. T.	Даурский костюм-Т. Костюм даурского (или солонского) шамана, сфотографированный в Мекерте близ Хайлара господином Токмаковым ⁹ с КВЖД

Далеко не все костюмы были полнокомплектными: «*Нуминченский костюм-1 и даурский костюм-1, принадлежавшие шаманкам богатых и влиятельных семей, были более полные и привлекательные, чем нуминченский костюм-2 и солонский костюм-1, которые принадлежали шаманкам более скромного достатка и положения*» [Lindgren, 1935, 367].

Э. Дж. Линдгрэн уделяет большое внимание нуминченскому костюму-1 по причине его наиболее полной комплектности. Она отмечает, что он состоит из: «<...> *головного убора; воротника с прикреплёнными наплечниками; цельного платья; “хвоста”, который пристёгивается пуговицами сзади платья; второго, альтернативного “хвоста”; бубна; чехла для бубна; колотушки; и пары тарелок. Единственный предмет шаманского снаряжения, которого не хватает, – это нагрудник, который, возможно, был похоронен вместе с шаманкой*» [Lindgren, 1935, 366]. Этот костюм исследовательница приобрела у группы хинганских тунгусов, живших в районе верхних течений рек Чол и Имин: «*Костюм принадлежал нуминченской шаманке, умершей, вероятно, от чахотки в возрасте двадцати пяти лет, за три года до того, как он [костюм] попал ко мне. Её описывали как высокую воительницу, которая преуспела в мужских искусствах охоты и верховой езды и вела большинство общественных и частных дел своего отца. <...> Он горько оплакивал свою дочь и не хотел расставаться с её шаманским платьем, которое перешло бы к молодому, недавно “призванному” шаману, если бы таковой был в племени. Только во время моего второго визита к нуминченам на Имине в 1932 году мне удалось заполучить его*» [Lindgren, 1935, 366]. Э. Линдгрэн сообщает, что спустя несколько месяцев после того, как костюм оказался у неё, все иминские нуминченцы, включая отца шаманки, погибли от рук бурятов с р. Шинке за кражу лошадей¹⁰.

Э. Дж. Линдгрэн даёт обширные и подробные ссылки на материалы со схожими деталями костюмов или упоминания о подобных типах атрибутов и последовательно описывает детали шаманских костюмов дауров, солонов и нуминченцев.

Головной убор

Шаманская корона нуминческого костюма-1 покрыта круглой, слегка вогнутой железной пластиной, к которой приклепаны оленьи рога (илл. 4). Матерчатые края головного убора частично прикрыты двумя старыми, потрескавшимися кусками кожи (тюленьей? – прим. Э. Дж. Линдгрэн). Примечательной деталью является то, что корона выстлана частью мешка из грубой хлопчатобумажной ткани из-под муки, когда-то белого цвета, на которой напечатано словосочетание «маньчжурская мука» и несколько русских букв¹¹.

В основах головных уборов нуминченского костюма-2 и солонских костюмов 1 и 2 лежат красные матерчатые шапки¹², к которым прикреплены каркасы: из олова (нуминченский костюм-2), железа (солонский костюм-1) или меди (солонский костюм-2). Каркас состоит из кольца или короны и двух полос, которые пересекаются в верхней части головы, где они поддерживают рога¹³. Но в случае с даурским костюмом-1 Линдгрэн указывает, что оленьи рога пришиты прямо к чёрной шапке, украшенной серебряной нитью. На головном уборе даурского костюма-Т также не видно каркаса, и он также не упоминается в описании даурского костюма-П [Lindgren, 1935, 367].

Рога короны нуминченского костюма-1 – железные; один из четырёх отростков отломлен; хотя рога похожи по форме, они не идентичны между собой. У короны нуминченского костюма-2 рога (жестяные? – прим. Э. Дж. Линдгрэн) с четырьмя отростками, с тупыми концами и грубо сделанные. Рога на головном уборе солонского костюма-1 имеют по пять заострённых отростков, которые несколько больше, чем у даурского костюма-1, хотя рога короны последнего состоят из шести отростков. На короне даурского костюма-П железные или медные рога с пятью отростками. Даурские шаманские короны могли также иметь натуральные оленьи рога (илл. 5).

Головной убор солонского костюма-2 имеет рога с восемью маленькими отростками из искривленного, слегка желтоватого металла (железа? – прим. Э. Дж. Линдгрэн). По поводу количества отростков Линдгрэн отмечает: «Хайларский даур подтвердил высказывание забайкальского тунгуса о том, что “нет ничего лучше шамана с двенадцатью отростками” (он складывал два оленьих рога вместе), но процитировал и солонского шамана, сказавшего, что он был “древним человеком и великим шаманом и много шаманил в этих краях”, и поэтому возвысил [свой статус] до ряда из шестнадцати отростков» [Lindgren, 1935, 367–368].

У многих народов шаманские головные уборы нередко имеют различные дополнительные украшения (они могут зависеть от того, какой шаман – белый или чёрный, насколько он сильный). Так, С.М. Широкогоров указывает: «Маньчжурский шаманский костюм состоит из <...> шапки, снабжённой большими медными птицами (от одной до пяти штук) или железными рожами» [Широкогоров, 1919, 22].

Птица на шапке нуминченского костюма-1 имеет латунное или медное туловище с железными крыльями и хвостом. Она удерживается на месте проволокой, которая проходит через грудку птицы и боковые стороны раздвоенной железной опоры и обвивается вокруг рогов над первым зубцом. В нуминченском костюме-2 птица оловянная, а в солонском костюме-2 – очень маленькая (медная? – прим. Э. Дж. Линдгрэн). На шапке даурского костюма-1 изображена птица медного цвета с распростёртыми крыльями, которая наклоняется вперед и вниз. О даурском

Илл. 4. Головной убор нуминченской шаманки. Рисунок Э. Кинг [Lindgren, 1935, plate IV].

Илл. 5. Корона шамана. Дауры. Амурская область, Благовещенский р-н, кон. XIX в. Железо, бронза, рог. Из собрания АОКМ. Фото Е.А. Конталевой, 2022 г.

костюме-П сказано: «Между рогами торчит маленькая палочка, на которой сидит кукушка, выполненная из меди или железа» [Lindgren, 1935, 368]. Линдгрэн отмечает, что хайларский даур, хорошо разбирающийся в шаманских делах, сообщил ей, что птица, изображённая на головном уборе даурского костюма-1 не кукушка, а маленькая хищная птица и именно она предупреждает шамана о приближении злонамеренного шамана¹⁴ (илл. 6).

Шаманские шапки часто украшаются различными ремешками, нитями, бахромой, лентами. Э. Линдгрэн отмечает, что ремешки для подбородка в нуминченском костюме-1 сшиты из двух слоёв той же красной хлопчатобумажной ткани с саржевым плетением, что и основное платье; в даурском костюме-1 такие крепления выполнены из кожи [Lindgren, 1935, 368].

Окантовка головного убора в нуминченском костюме-1 состоит из чёрных стеклянных бусин, нанизанных на шесть чёрных хлопковых нитей, которые заканчиваются кисточками из чёрных хлопчатобумажных и шёлковых нитей. В нуминченском костюме-2 головной убор украшен тремя нитями деревянных бусин длиной 2 дюйма с имитацией кораллов сверху. К шаманской короне солонского костюма-1 прикреплены пять цепочек из маленьких красных и чёрных бусин. Головные уборы солонского костюма-2 и даурского костюма-1 не имеют окантовки: «Даур из Хайлара сказал мне, что раньше даурские шаманы носили бахрому, которая немного спускалась на лоб, но теперь перестали. Однако Поппе отмечает, что спереди головной убор даурского шамана украшен бахромой из лент, достигающей до глаз. В даурском костюме-Г (который, возможно, является солонским) бахрома из какого-то мягкого на вид материала, возможно, ниток, свисает до бровей»¹⁵ [Lindgren, 1935, 368].

Ленты головного убора нуминченского костюма-1 представляют собой грязные, рваные и завязанные узлами бледно-голубые хадаки¹⁶, которые продеты через два из шести отверстий вдоль задней части «птичьего хвоста» (илл. 7). К рогам шапки нуминченского костюма-2 прикреплены обыкновенные куски ткани длиной около 1 фута, красный и синий к одному рогу и красный – к другому. В солонских костюмах 1 и 2 хадаки прикреплены к рогам между большинства отростков. На задней части шапки даурского костюма-П «хадаки висят, как хвост». К рогам шапки даурского костюма-1 привязано большое количество шёлковых платков и хадаков разного цвета: белого, синего, розового, красного и зеленого [Lindgren, 1935, 369]. У дауров хадаки и шёлковые ленты крепились к короне сзади и символизировали радугу. Когда шамана приглашали провести обряд, к «его шапке привязывали шёлковую полоску в знак благодарности и вознаграждения. Соответственно, чем больше полосок шёлка на шапке, тем выше старшинство» шамана [Stuart, 1994, 43].

Илл. 6. Корона шамана с изображением птицы. Эвенки. Амурская область, Селемджинский район, начало XX в. Железо, кожа. Фото Е.А. Конталевой, 2022 г.

Илл. 7. Майхабиши – шаманская шапка с глазами, шторкой на лице и лентами (хадаками) сзади. Буряты, 2017 г. По: <https://carrrsa.livejournal.com/934912.html>.

Э. Дж. Линдгрэн отмечает, что шаманский головной убор тунгусов-оленьеводов Маньчжурии называется «дэрбеки»¹⁷, а термин «авун»¹⁸ обозначает обычный головной убор. Иминские солонь присоединяют то, что, возможно, является одним из ранних тунгусских названий всего шаманского головного убора, к его части, что, вероятно, является нововведением [Lindgren, 1935, 369] (илл. 8).

Матерчатая «корона» имеется только в солонском костюме-1 – это отдельная деталь, которая завязывается сзади; она имеет шесть секций, сужающихся кверху. Э. Дж. Линдгрэн отмечает: «Шестиугольные шапки обнаруживаются в некоторых традиционных костюмах китайского театра. Но д-р Монтелл привлёк моё внимание к пятичастным головным уборам или “коронам”, которые часто носят ламы (а также китайские буддийские священники), хорошо представленным в Этнографическом музее Стокгольма. Некоторые [из корон] расписаны, другие – вышиты; части сужаются кверху, а “корона” не обхватывает затылок. Поскольку рядом с территорией солонь в Северо-Западной Маньчжурии есть несколько ламаистских храмов, я думаю, весьма вероятно, что солонская “корона” была перенята от этого поразительно похожего типа головного убора ламы» [Lindgren, 1935, 369].

Предположительно ламаистские корни этой матерчатой шапки солонского костюма-1 связаны, вероятно, с миграциями солонь и дауров в Хулун-буир с территориями р. Нонни, а также с передвижениями баргутов, олёт и бурят. В 1732 г. группа «старых» баргутов, мигрировавших с российской территории в Хэйлуцзян во времена правления Канси, присоединилась к солоням, поселившимся вдоль р. Хайлар. Потомки этих баргутов были настолько «солонизированы», что «отказались от ламаизма и приняли шаманизм в качестве своей религии» [Lee, 1970, 16].

Широкогоров С.М. указывает, что шапки шаманских костюмов у эвенков Маньчжурии – точная копия шапок одного из будд. В даурском костюме также головной убор, идентичный убору буддийского священнослужителя, встречался Л.И. Шренку. Имитацию такого убора Широкогоров также видел у бирарченгов [Широкогоров, 1919, 22].

Воротник

Все воротники, или нагрудники, одинаковой формы, а украшения отличаются только в случае с довольно бедным нуминченским костюмом-2, который из-за его некомплектности сын шаманки даже отказался продавать. Исследовательница отмечает: «На нём нет каури; вместо этого на задней части шеи есть кусок кольчуги (кель) площадью около 3-х квадратных дюймов, сделанный из небольших проволочных звеньев. Впереди изображён русский двуглавый орёл из позолоченной латуни с надписью “Николай II” размером примерно 2 на 3 дюйма. <...> На плечах множество маленьких ленточек, но птиц нет» [Lindgren, 1935, 369].

Воротник в нуминченском костюме-1 выполнен из хлопчатобумажной ткани чёрного цвета; материал воротника даурского костюма-II., вероятно, шёлк или бархат [Lindgren, 1935, 369]. На воротниках в разном количестве нашиты раковины каури, формирующие различные линии или узоры. Задние стороны раковин на воротнике нуминченского костюма-1 срезаны (илл. 9).

Оборотная сторона воротника нуминченского костюма-1 имеет основу из зелёной хлопчатобумажной ткани, вышитой синим, оранжевым, розовым и пурпурным цветами и окаймлённой чёрным плисом. Два льва и два солнца (или шара?) вышиты золотой нитью на чёрном сатине (очевидно, китайского производства) и пришиты к зелёному хлопку. Э. Линдгрэн отмечает: «Львы, расположенные в центре квадратных фрагментов вышивки, пришитых к маньчжурским чиновничьим

Илл. 8. Корона шамана «авун». Эвенки. Амурская область, Тындинский район, начало XX в. Принадлежала Александру Ивановичу Ростолову, 1893 г.р. Металл, кожа, ровдуга, ткань. Из собрания АОКМ. Фото Е.А. Конталевой, 2022 г.

мундирам, указывают на военного чиновника второго класса. У более дешёвых видов вышитых изделий в центре остаётся пустое место, а затем пришивается соответствующая птица или четвероногое. Солнце, выполненное позолоченной нитью, также было наклеено на одно из вышитых изделий, [представленных в] Этнографическом музее Стокгольма. Бывший нуминченский гузда сказал, что шаманский костюм его дочери был украшен [частями] его официальной одежды (после того, как он потерял свой пост?), что, вероятно, объясняет происхождение львов и солнц» [Lindgren, 1935, 370] (илл. 10).

Китайские образы – птицы (возможно, фениксы) и драконы – присутствуют на задней части воротника даурского костюма-1. Соответствующая часть воротника солонского костюма-2 украшена цветными тканевыми полосками, которые также встречаются вместо вышивки на других частях платья. Тканевые ленты имеют определённые цвета: «Мистер О. Мамен заметил, что они были расположены в виде горизонтальных полос с синим сверху, затем красным, жёлтым, белым и чёрным, и что эти цветные полосы расположены в одинаковом порядке везде, где они встречаются на костюме. В других местах жёлтый цвет недостаточно яркий, чтобы его можно было отличить от белого» [Lindgren, 1935, 370]. Возможно, сочетание этих цветов не случайно, и связано с китайской цветовой символикой сторон света: зелёно-синий восток, красный юг, жёлтый центр, белый запад и чёрный север. Каждому направлению соответствует свой хранитель (илл. 11).

Птицы, изображённые на наплечниках нуминченского костюма-1, сделаны из набивной ткани. Голова и туловище выполнены из цельного куска, обтянутого зелёным хлопчатобумажным дамастом¹⁹ (глаза и шея прошиты пурпурной шелковой нитью), в то время как крылья и хвост покрыты китайской шёлковой парчой со светло-голубыми и тёмно-зелёными узорами в виде перьев на пурпурном фоне. Линдгрэн отмечает, что «кусочки парчи были подобраны так искусно, что рисунок (который может быть частью феникса) выглядит так, как будто создан специально для этой цели» [Lindgren, 1935, 370]. Соответствующие птицы на солонском костюме-2 – синего цвета, со стежками других цветов на хвосте. Птицы на

Илл. 9. Даурская шаманка после камлания. Июль 1931 г. Фото О. Мамена [Lindgren, 1935, plate VII a].

Илл. 10. Воротник нуминченского шаманского костюма [Lindgren, 1935, plate III b].

Илл. 11. Деталь шаманского кафтана с изображением фениксов. Бирары. XIX в. Из Коллекции Сергея и Елизаветы Широкогоровых по культуре ороحوнов Китая. Кунсткамера. МАЭ № 2646-72.

воротнике даурского костюма-1 выглядят так, словно сделаны из резного и раскрашенного дерева [Lindgren, 1935, 370] (илл. 12).

Наплечники шаманских костюмов также имели своеобразные украшения. Так, наплечники нуминченского костюма-1 и даурского костюма-1 украшены с каждой стороны шестью лентами, верхние из которых – короча. На верхних лентах нуминченского костюма-1 имеется вышивка по красной грубой хлопчатобумажной ткани, в то время как нижние покрыты розовым и голубым китайским ситцем; верхние ленты даурского костюма-1 – чёрные, нижние – красные, и все расшиты. Кроме того, к наплечникам нуминченского костюма-1 прикреплены колокольчики (всего 4). Похожие бубенчики обнаруживаются на концах воротников солонских костюмов 1и 2 и даурского костюма-1 [Lindgren, 1935, 370–371].

Илл. 12. Птицы, проводники в Верхний мир. Подвеска к костюму шамана. Эвенки. Иркутская область, Братский район, конец XIX – начало XX вв. Металл, ковка. Из собрания ИОКМ. Фото Е.А. Кондалевой, 2022 г.

Основное платье

Платье нуминченского костюма-1 сшито из плотной красной саржи²⁰, окаймлено чёрной хлопчатобумажной тканью и подбито белым холстом²¹, за исключением верхней части, которая сзади обрамлена хлопком цвета индиго, а спереди – фиолетовым хлопком. К подолу нуминченских костюмов 1 и 2 пришита бахрома из дублёной кожи. Платья солонских костюмов 1 и 2, солонского костюма-III. и даурских костюмов 1 и Т. сшиты из дублёной кожи с отделкой замшей; платье даурского костюма-П. отделано оленьей шкурой. Линдгрэн отмечает: «Говорят, что три полосы ткани служат поясом для даурского костюма-2, но я не знаю ни одного пояса, который носили бы с этим типом шаманского платья» [Lindgren, 1935, 371] (илл. 13).

Илл. 13. Платье нуминченской шаманки с р. Имин, март 1932 г. Передняя и задняя части. Рисунок Э. Кинг [Lindgren, 1935, plate I–II].

Рукава всех платьев имеют манжеты и нарукавники²². В солонском костюме-2 рукава украшены лентами и треугольными кусочками цветной ткани, не вышивкой.

Подвески на платьях нуминченских костюмов 1 и 2 представляют собой грубые железные конусы. Как отмечает Э. Линдгрэн, они очень похожи на те, что привешены к поясам гольдских и маньчжурских шаманов. Похожие подвески также встречаются на бурятских шаманских платьях и жезлах [Lindgren, 1935, 372].

Тканевые подвески нуминченского костюма-1 прикреплены к тем же латунным кольцам, что и железные подвески, и состоят они из куска китайского синего хлопчатобумажного дамаста с левой стороны и дешёвого тёмно-серого ситца с узором из зеленовато-голубых и белых цветов справа. В солонском костюме-1 длинные полосы ткани свисают из-под мышек до подола и заканчиваются несколькими «хвостиками»; шаманка сжимает эти детали во время выступления. Грязная ткань, висящая справа в солонском костюме-2, используется для вытирания лица. Подвеска из кожи, обтянутая тканью, которая свисает с одной стороны платья этого костюма, с одного конца зашита в спираль. По обеим сторонам платья даурского костюма-1 расположены верёвки из плетёной кожи, заканчивающиеся длинными кожаными кисточками (змеями). За эти кисточки шаманка хваталась во время камлания. Э. Линдгрэн отмечает, что один даур, сравнивая костюм забайкальского тунгусского шамана с даурским костюмом-1, сообщил, что у последнего было «только две змеи». У бурятских шаманов встречаются костюмы со тридцатью змеями [Lindgren, 1935, 372].

К юбке нуминченского костюма-1 крепятся шесть лент из вышитых кусочков красной хлопчатобумажной ткани, окаймлённых чёрным хлопчатобумажным бархатом и обшитых несколькими слоями ткани. Ленты на нуминченском костюме-2 выполнены из белого атласа с вышивкой в китайском стиле, а на даурских костюмах 1 и Т представлена цветочная вышивка на чёрном фоне. На расшитые ленты даурского костюма-П нанизаны колокольчики [Lindgren, 1935, 373].

Колокольчики²³ (бубенчики) также прикреплены к нижним краям лент нуминченского костюма-1, многие из которых повреждены, некоторые – отсутствуют. В основном бубенцы на этом костюме латунные, и только один – железный. Их количество разнится: так, у даурского костюма-П 30 бубенчиков, а у даурских костюмов 1 и Т – явно больше. Э. Линдгрэн отмечает, что на бубенчиках нанесены иероглифы: у большинства – иероглифы 太 (tài, «великий», «почтенный») и 和 (hé, huó, «умиротворять», «мирный»)²⁴ на противоположных сторонах у маленьких колокольчиков и рядом – у большого. Также встречаются такие иероглифы как 奘 (huàn, «яркий», «ослепительный»), 元 (yuán, «главный», «превосходный»), 正 (zhèng; zhèng, «правильный», «исправлять»); на одном из старых колокольчиков изображён иероглиф 順 (shun, «подчинять», «покорный»), а на другом рядом с иероглифом 双 (shuāng, «пара»²⁵) есть печатный знак 子, означающий «сын» [Lindgren, 1935, 372]. С каждой стороны колокольчиков нуминченского костюма-1 ниже линии посередине есть иероглиф 王 (wáng, «князь», «правитель») [Lindgren, 1935, 372] (илл. 14).

На некоторых платьях присутствуют и другие украшения. Так, большой железный висячий замок, закрытый и без ключа, подвешен с каждой стороны горловины платья нуминченского костюма-2. Большой кабань бивень прикреплён к каждому плечу солонского костюма-2. На платье даурского костюма-1 в районе груди с каждой стороны прикреплено по большому зубу (вероятно, тоже кабаньему). Посередине верхнего ряда колокольчиков, с каждой стороны юбки солонского костюма-2 подвешено латунное зооморфное изображение (лошадь?), обращённое к центру. По обоим сторонам воротника солонского костюма-2 спереди свисают железные стремяна, а также лук (вероятно, железный) с пересекающей его стрелой. Э.Дж. Линдгрэн отмечает, что встречала «лук и стрелы на одежде шамана у бурятизированных забайкальских тунгусов» [Lindgren, 1935, 374]. Подвески в виде небольших лука и стрелы для отпугивания враждебных духов, обнаружили, например, на платье алтайского шамана. К плечам даурского костюма-1 прикреплено по раковине-гребёнке, а на груди солонского костюма-2 и по бокам даурского костюма-1 прикреплено несколько колокольчиков открытого типа²⁶.

Важнейшей частью многих шаманских костюмов, как известно, являются **зеркала**. Платье нуминченского костюма-1 увешано 38 зеркалами спереди и 7 сзади. Сын шаманки-владелицы нуминченского костюма-2, отметил, что всего зеркал должно быть 32. На платье даурского костюма-П. по 30 зеркал с каждой стороны. Они представляют собой доспехи и создают впечатление чешуи²⁷.

Все зеркала нуминченского костюма-1 имеют сзади двойные ободки, а 32 из тех, что поменьше, почти идентичны, и на них нанесено по четыре очень неразборчивых китайских иероглифа. По-видимому, это те же символы, что и на самом большом зеркале: «*Пусть ваши пятеро сыновей успешно сдадут выпускные экзамены*». На большом зеркале также изображено несколько фигур, восемь из которых, как отмечает Э. Дж. Линдгрэн, профессор Моул идентифицировал как *八山 bāxiān* (Восемь даосских бессмертных). Ещё на одном из больших зеркал есть надпись: «*Первый выпускник на дворцовом экзамене*». На другом изображены четыре **буддийских символа** (включая двух рыб и «мистический узел»). Три зеркала простые, на одном есть что-то похожее на тибетские письмена (очень неразборчивые), на других – только декоративные узоры. Э. Линдгрэн отмечает: «*Проблема*

датировки этих зеркал заслуживает более подробного изучения, чем я её изложила, но кажется маловероятным, что какое-либо из них было изготовлено до XVIII века; их расположение на одежде шамана объясняет их изношенное и повреждённое состояние. Картина XVIII века, изображающая маньчжурскую даму, для которой полируют зеркала в новогоднее утро, воспроизведена преп. А.Э. Моулом в “Китайском народе” (Лондон, 1914), на стр. 406, и проф. Моулу рассказывали, что крик точильщика зеркал раздавался на улицах Ханчжоу в 1850 году или позже. Г-н Г. Т. Моул пишет из Ханчжоу (22 июля 1934 г.): “По словам моего привратника, они (металлические зеркала) всё ещё изготавливаются и используются”. Однако Китай был рынком сбыта стеклянных зеркал уже в 1700 году <...>» [Lindgren, 1935, 372].

В любом случае, бронзовые зеркала, вероятно, были более редкими и ценными в Северной Маньчжурии,

хотя и имели важное значение для местных культур. Например, в китайской традиции зеркало издавна играло важную роль: считалось, что это лучшая защита от любой нечисти, т.к. оно показывало истинный облик злых духов и оборотней. Зеркала выступали в качестве божественных атрибутов (например, у богини молний Дянь-му),

Илл. 14. Шаман Наран Бё в облачении. Барга, 29 июня 1931 г. Фото О. Мамена. Экспедиция Э. Дж. Линдгрэн в Северо-Западную Маньчжурию. Архив Музея антропологии и археологии, Кембридж, Великобритания. N.21358.LIN.

Илл. 15. Зеркала на шаманском костюме бираров. XIX в. Из Коллекции Сергея и Елизаветы Широкогоровых по культуре орохонов Китая. Кунсткамера. МАЭ № 2646-72.

использовались в погребальной, свадебной обрядностях. Э. Дж. Линдгрэн замечает: «<...> мистер Г. Т. Моул привлёк моё внимание к китайскому обычаю вешать металлическое зеркало на спинку паланкина невесты, в то время как зеркало поменьше подвешивается к её петлице – в обоих случаях по магическим причинам <...>» [Lindgren, 1935, 372] (илл. 15).

«Хвост»

«Хвост» нуминченского костюма-1 состоит из куска вышитого коричневого хлопчатобумажного дамаса, окаймлённого красным и тёмно-синим хлопком, и 15-ти лент. Из девяти полотняных лент шесть покрыты красным, два – синим, а центральная – тёмным серо-голубым хлопком; все вышиты. Также имеются три ленты из белой, предположительно, лошадиной кожи, украшенные кусочками такой же, но тёмно-коричневой, кожи, и три ленты покороче из шкурок куницы (возможно, колонка (*orig. Kolonocus sibiricus* Pall.)), из одной из которых выглядывает конец короткой тканевой ленты [Lindgren, 1935, 374] (илл. 16).

Верхняя часть второго «хвоста» нуминченского костюма-1 состоит из вышитого куска грубой чёрной хлопчатобумажной ткани, окаймлённого полосами из красного хлопка и чёрного плиса; центральная его часть покрыта куском чёрного атласа с **китайской позолоченной вышивкой**. Исследовательница отмечает, что ей не удалось идентифицировать этот фрагмент костюма как часть какой-либо официальной одежды маньчжуров. Из 13-ти лент девять длинных имеют кожаные кисточки на концах; все они покрыты обычным хлопком, за исключением зелёных, которые сделаны из саржи [Lindgren, 1935, 374].

«Хвост» нуминченского костюма-2 состоит из 12 лент, примерно треть из которых покрыта овечьей кожей, остальные сделаны только из цветных полосок ткани. Солонский костюм-1 имеет 12 длинных и меньше количество коротких лент, украшенных узорами, вырезанных по верхнему слою ткани. Над лентами – фрагмент цветочного принта (не вышитый), окаймлённый синими, белыми и чёрными тканевыми полосами. У солонского костюма-2 в центре имеется круглый кусок ткани, а на материале другого цвета с каждой стороны нанесены чёрные кресты. Ленты этого костюма также не имеют вышивки; они украшены кусочками ткани, пришитыми под углом друг к другу. «Хвост» даурского костюма-П начинается с квадрата с изображениями **оленя** и **журавля**, которые в китайском фольклоре связаны с долголетием. Два оленя и два журавля вышиты на прямоугольной детали в верхней части «хвоста» даурского костюма-1.

Даурский костюм-П имеет 12 лент, на каждой из которых изображено одно из животных **Двенадцатеричного цикла символов** (или двенадцати земных ветвей²⁸ – китайского зодиака, в который входят мышь, бык, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья). Даурский костюм-1 имеет 12 коротких и 12 длинных лент²⁹; на концах последних вышиты животные, из которых трёх слева Э. Линдгрэн удалось опознать как зодиакальных [Lindgren, 1935, 374–375] (илл. 17).

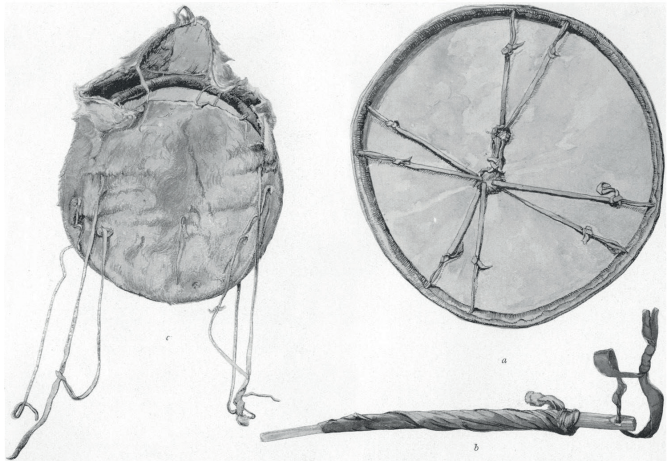
Бубен

Э. Дж. Линдгрэн отмечает, что все бубны – круглые и одного типа, с ручками, состоящими из четырёх пар ремешков, соединённых одним или несколькими железными кольцами в центре задней части бубна (илл. 17). По мнению исследовательницы, эти бубны, возможно, представляют местный вариант буб-

Илл. 16. Альтернативная задняя часть нуминченского шаманского платья [Lindgren, 1935, plate III a].

на овального типа, который Г. Ниорадзе называет восточным, а М.А. Чаплицкая – южным. Также Э. Дж. Линдгрэн предположила связь с гиляцким и гольдским бубнами [Lindgren, 1935, 375]. Бубен нуминченского костюма-3 покрыт шкурой оленя. Он был выполнен самими нуминченцами, тогда как бубен нуминченского костюма-4 был куплен у бутхинских³⁰ дауров. Бубны солонского костюма-2 и даурского костюма-1 покрыты козлиной шкурой. Бубен солонского костюма-1 меньше, грубее, менее резонансный, и на его внешней поверхности чёрным цветом нанесён китайский символ **инь-ян**. Остальные бубны не раскрашены. Бубен даурского костюма-II покрыт кожей косули. Э. Дж. Линдгрэн, ссылаясь на О. Латтимора, отмечает, что гольдский бубен всегда овальной формы, рама выполнена из вяза и обтянута шкурой косули [Lindgren, 1935, 375].

Илл. 17. Чехол для шаманского бубна, бубен и колотушка. Нуминченцы. Рисунок Э. Кинг [Lindgren, 1935, plate V].

Чехол бубна

У всех указанных бубнов есть чехлы, в которые иногда помещаются два бубна. Чехол бубна нуминченского костюма-1 изготовлен из кожи косули, нуминченского костюма-4 – из телячьей кожи; все меховые чехлы выполнены мехом наружу. Чехол солонского костюма-1 – матерчатый, даурского костюма-1 – из дублёной кожи с замшевой поверхностью [Lindgren, 1935, 375].

Колотушка

Как отмечает Э. Дж. Линдгрэн, считалось, что среди атрибутов нуминченского костюма-1 не было колотушки, однако исследовательницей была обнаружена сломанная колотушка из ивы, частично обтянутая зелёным шёлком, и с прикрепленной к ней грубой зелёным хлопчатобумажным лоскутом. Колотушка нуминченского костюма-3 содержит сухожилия внутри кожаного чехла из дублёной кожи, а костяная ручка украшена зигзагообразным узором. Колотушка нуминченского костюма-2 также сделана из сухожилий, частично обтянутых красной тканью. Колотушка солонского костюма-1 сделана из бамбука, часть которого оставлена голой в качестве ручки, к которой прикреплены три цветные ленты; остальная часть покрыта шкурой косули. Колотушка даурского костюма-1 также покрыта кожей косули; у даурского костюма-II колотушка сделана из бамбука и обтянута оленьей кожей. Все колотушки, которые описывает Э. Дж. Линдгрэн, были длиной 1 фут или более, за исключением 2-х колотушек, которые были всего около 6 дюймов в длину и покрыты чёрной шерстью (медвежьей шкурой) [Lindgren, 1935, 375–376].

Тарелки

Вместе с нуминченским костюмом-1 исследовательницей была приобретена пара басовых тарелок, имевших какое-то отношение к шаманизму. Как отмечает Э. Дж. Линдгрэн, такие тарелки используются в оркестре китайского театра, а также – ламами, которые могут купить такие храмовые принадлежности в магазинах Хайлара. По заявлению одного даура, у шаманки-владелицы даурским костюмом-1 были тарелки, но у других даурских шаманов их нет. По мнению исследовательницы, их наличие или отсутствие зависело от того, какому богу служит шаман: некоторым тарелки требуются, а другим – нет [Lindgren, 1935, 376].

Ожерелье

Сын солонской шаманки сообщил Э. Дж. Линдгрэн, что приобретённый ею нуминченский костюм-1 не полный – отсутствует шаманский нагрудник. Солонский

костюм-1 включает в себя ожерелье из бусин с прикреплённой к нему крупной медной монетой. Нуминченский костюм-3 включает цепочку из крупных деревянных бусин, перемежающихся с цветными (стеклянными?). В нескольких местах с цепочки свисают лоскуты. Оба этих ожерелья носили шаманки, которые надевали их поверх повседневного платья при выполнении небольшой церемонии или во время вступительной части длительного действия. Бусы, подобные нуминченскому костюму-3, есть в солонском костюме-2. Шаман надевал их во время перерыва в продолжительном представлении. Э. Дж. Линдгрэн зафиксировала большую медную монету, свисающую с плеча полнокомплектного солонского костюма-2, а также в даурском костюме-1. Не было ожерелья у даурского костюма-1, но в даурском костюме-Т (который может быть солонским) имелось украшение из чего-то похожего на деревянные бусины вперемежку с несколькими более крупными стеклянными бусинами. Двое мужчин-шаманов носили бусы через правое плечо и под левой рукой, солонская шаманка носила их через левое плечо и под мышкой ее правой руки, в то время как нуминченская шаманка у носила их на шее. Э. Дж. Линдгрэн отмечает, что, несмотря на фрагментарные сведения, вполне вероятно, что у всех даурских, солонских и нуминченских шаманов есть ожерелья, которые, по-видимому, являются особыми хранилищами их силы. Хотя ожерелье, по-видимому, является адекватной заменой полному облачению, его, по-видимому, носят с костюмом не во всех случаях [Lindgren, 1935, 376].

Хранение шапки шамана

Шаманские головные уборы нуминченских костюмов 1, 2 и, вероятно, 3 хранились в круглых берестяных коробах с конусообразными крышками. Э. Дж. Линдгрэн отмечает, что северные тунгусы-оленоводы Маньчжурии используют круглую шкатулку под названием «муручун» (не имеет крышки, покрыта замшей из оленьей кожи и затягивается шнурками) для хранения изображений своих богов и других драгоценных предметов. У солонов специальных предметов для хранения головного убора шамана не было, шапка даурского костюма-1 хранилась в квадратной неокрашенной деревянной коробке [Lindgren, 1935, 376–377].

Чехол для костюма

Платье солонского костюма-1 хранилось в длинном узком чехле с отверстием посередине; чехол был шит из шкур козули и козы. Ссылаясь на О. Мамена, Э. Дж. Линдгрэн отмечает, что даурский костюм-1 находился в длинной чёрной кожаной седельной сумке монгольского типа, и таким образом костюм можно было легко надеть верхом. Больше учёной не было зафиксировано чехлов для хранения [Lindgren, 1935, 377].

***

Исследовательница задаётся вопросом о том, к какому народу восходит нынешняя форма шаманского костюма дауров, солонов и нуминченцев, и когда оформляются её отличительные черты.

По мнению Э. Дж. Линдгрэн, перспективным является изучение декоративных мотивов на нуминченского костюма-1 и других костюмов в связи с гольдскими, маньчжурским и китайским узорами, однако важнейшим в этом отношении будет исследование района р. Нонни, откуда несколько сотен дауров и солонов были отправлены на северо-запад Маньчжурии в 1732 году [Lindgren, 1935, 377].

Основываясь на материалах, которые Э. Дж. Линдгрэн представила в статье, она считала вероятным, что этот тип шаманского костюма **был создан даурами, а солоны и нуминченцы его позаимствовали**. Отличительные черты солонского костюма-2 могут быть объяснены влиянием **бурятов**, с которыми солоны в Северо-Западной Маньчжурии жили в тесном контакте в течение двухсот лет. Солоны, вероятно, шили свои собственные шаманские одежды, на которых меньше вышивки, чем на даурских; в то время как у нуминченцев либо очень бедные костюмы (нуминченский костюм-2), или красивые платья, купленные у других народов (нуминченский костюм-1), чаще всего у дауров, у которых есть опытные рукодельницы [Lindgren, 1935, 377]. Э. Дж. Линдгрэн отмечает: *«Бывший гузда сказал, что первоначально он отдал за костюм трёх лошадей, затем отдельно купил воротник*

и несколько зеркал. Я думаю, весьма вероятно, что он купил его у дауров, либо в Хайларе, либо в поселениях на р. Нумин. Однако “хвост”, показанный на рис. II, мог быть сделан нуминченами» [Lindgren, 1935, 377].

По мнению исследовательницы, дауры разработали этот тип шаманского костюма давным-давно, поскольку, когда Поярков встретил их на Амуре в 1644 году, они уже занимались сельским хозяйством и обладали оседлой цивилизацией китайского типа. Дауры вели обширную и прибыльную торговлю с кочевыми тунгусскими племенами по обе стороны Амура и имели тесные контакты с солонями, особенно после того, как маньчжурское правительство переселило дауров в бассейн р. Нонни [Lindgren, 1935, 377].

В подтверждение выдвинутой гипотезы Э. Дж. Линдгрэн отмечает, что даурская культура долгое время подвергалась чужеродным влияниям, но, тем не менее, она продемонстрировала стабильность, включив в себя много новых элементов без ущерба для старого языка и религии. Тип шаманского костюма, представленный в работе Э. Дж. Линдгрэн, являет устоявшееся сочетание разнообразных по происхождению элементов, что, вероятно, является примером **интегрирующего характера даурской культуры** [Lindgren, 1935, 378].

Заключение

Таким образом, шаманские костюмы могут выступать в качестве маркеров присутствия этнических религий на карте религиозного ландшафта. Особенности шаманских костюмов дауров, солон, нуминчен, зафиксированные в ходе экспедиций Э. Дж. Линдгрэн, отражают специфику этномиграционных процессов на Дальнем Востоке, историческое, географическое, этнокультурное взаимодействие между местными народами. Это взаимодействие закономерным образом отразилось и в культурной, религиозной сфере. В первой половине XX века культуры дауров, нуминчен (хинганских тунгусов) и солон в Китае претерпели значительную ассимиляцию с китайской (ханьской) культурой. Дауры и солон также попали под сильное влияние маньчжуров. В ходе такого взаимодействия формировались определённые механизмы адаптации к «чужому» и самого «чужого», его позитивное и продуктивное усвоение, «ороднение», что приводило к своеобразному, вполне органическому синтезу с сохранением фундаментальных структур и элементов этнической идентичности.

Экспедиционные материалы, собранные в Маньчжурии в этот период, позволяют реконструировать более полную картину межэтнического взаимодействия в данном регионе и приграничных районах. Изучение культурных особенностей местных народов помогает выявить связи между миграционными путями этносов, условиями их проживания, сохранением или утратой самобытности, адаптационными процессами, влиянием доминирующих культур на малочисленные и др. Материалы, собранные Э. Дж. Линдгрэн, вносят значительный вклад в расширение, интегрирование, анализ и сопоставление знаний о кочевых народах Маньчжурии второй половины XIX – первой половины XX веков.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Acknowledgement

The study was conducted with funds from the Russian Science Foundation under grant project No. 24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Библиографический список

1. Андерсон, Д.Дж. Записки «ушедшей в себя улитки»: забайкальские экспедиции С.М. Широкогова и формирование основ «этнос-мышления» / Д.Дж. Андерсон // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 5. – С. 104–122.

2. Басханов, М.К. Баранов Алексей Михайлович / М.К. Басханов // Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. – М.: «Восточная литература», 2005. – 293 с.
3. Долгих, Б.О. Родовой и племенной состав Сибири в XVII веке / Б.О. Долгих. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 622 с.
4. Забияко, А.А. «Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции / А.А. Забияко // Религиоведение. – 2014. – № 4. – С. 192–202.
5. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: Монография / А.А. Забияко; М-во образ. И науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.
6. Забияко, А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левощко, А.А. Хисамудинов / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с.
7. Забияко, А.П. «Орочонская шаманка Гуань Коуни: основные этапы жизни в контексте истории шаманизма орочонов Северо-Восточного Китая» / А.П. Забияко, Ван Шуай // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 111–128.
8. Кайгородов, А. М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям) / А. М. Кайгородов // Советское Приаргунье. – 1970. – № 2. – С. 140–149.
9. Кайгородов, А.М. Рецензия. Люй Гуантянь. Бэйфан миньцзу юаньши шэньтай яньцзю (Исследование форм первобытно-общинного строя северных народностей) / А.М. Кайгородов. – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1981. – 522 с.
10. Кайгородов, А.М. Свадьба в тайге / А.М. Кайгородов // Советская этнография. – 1970. – № 3. – С. 153–161.
11. Кедров, И. Дикари под боком у Харбина / И. Кедров // Рубеж. – 1933. – № 10. – С. 3–4.
12. Линдгрэн, Э. Дж. Пример культурного контакта без конфликта: эвенки-оленьеводы и казаки Северо-Западной Маньчжурии / Э. Дж. Линдгрэн // Известия Лаборатории древних технологий. – 2016. – № 1 (18). – С. 20–34.
13. Линдгрэн, Э. Дж. Северо-западная Маньчжурия и тунгусы-оленьеводы / Э. Дж. Линдгрэн // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – № 3 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severo-zapadnaya-manchzhuriya-i-tungusy-olenevodyy> (дата обращения: 18.01.2023).
14. Синёва, Ю.О. Малоизвестные факты научной биографии Этель Джоан Линдгрэн / Ю.О. Синёва // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – № 3 (28). – С. 264–270.
15. Сирина, А.А. Исследования Э. Дж. Линдгрэн в Северо-Западной Маньчжурии в контексте истории тунгусоведения / А.А. Сирина // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – №3 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-e-dzh-lindgren-v-severo-zapadnoy-manchzhurii-v-kontekste-istorii-tungusovedeniya> (дата обращения: 18.01.2023).
16. Хисамудинов, А.А. русские этнографы в Китае: материалы к биобиблиографическому справочнику / А.А. Хисамудинов // Вестник Сахалинского музея. – 2021. – № 2. – С. 118–156.
17. Цмыкал, О.Е. Китайский религиозный синкретизм в рассказе (новелле) о необычайном (на материале цикла «Китайская быль» И.Г. Баранова) / О.Е. Цмыкал, Я.В. Зиненко // Религиоведение. – 2023. – № 4. – С. 59–70.
18. Широкогоров, С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп): монография. Сер. Этнографическая библиотека / С.М. Широкогоров. – М.: Наука – Восточная литература, 2017. – 710 с.
19. Широкогоров, С.М. Социальная организация северных тунгусов / С.М. Широкогоров. – М.: Изд-во Наука-Восточная литература; Серия «Этнографическая библиотека», 2017. – 710 с.
20. Широкогорова, Е.Н. Северо-Западная Маньчжурия (Географический очерк по данным маршрутных наблюдений) / Е.Н. Широкогорова. – Владивосток: Типография Областной земской управы, 1919. – 47 с.
21. Синёв, А.Э. Этель Джоан Линдгрэн: малоизвестные факты научной биографии / А.Э. Синёв, Ю.О. Синёва // В мире языка и культуры: актуальные вопросы и перспективы современной науки: мат-лы Международной науч.-практ. конф. молодых учёных. – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2017. – С. 179–86.
22. Штётцнер, В. Путешествие на Северо-восток от Мергэня / В. Штётцнер // Известия общества изучения Маньчжурского края. – Харбин, 1928. – № 7. – С. 20–23.
23. Lee, R.H.G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History (Harvard East Asian Series, 43) // R.H.G. Lee. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1970. – 229 p.
24. Lindgren, E.J. The Shaman Dress of the Dagurs, Solons and Numinchens in N. W. Manchuria / E.J. Lindgren // Geografiska Annaler. – 1935. – Vol. 17. – P. 365–378.
25. Shirokogoroff, S.M. Psychomental complex of the Tungus / S.M. Shirokogoroff. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner&Co, Ltd., 1935. – 469 p.

26. Stuart, K. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore / K. Stuart, Li Xuewei, Shelear // Sino-Platonic Papers / Ed. by Victor H. Mair. – December, 1994. – No. 60. – 176 p.
27. Tyler, N. Dr E.J. Lindgren-Utsi / N. Tyler // *Rangifer*. – 1988. – No. 8 (1). – P. 40–41.

Текст поступил в редакцию 15.04.2024.

Принят к печати 07.05.2024.

Опубликован 27.06.2024.

¹ Барга (Хулунбуир) – название территории в бассейне рек, составляющих верхнее течение р. Аргуни и её притоков: Хайлара, Халхи с Уршуном и отчасти Керулена. Административно-политический и торговый центр – г. Хайлар.

² Сейчас – Хэйхэ, приграничный город на правом берегу р. Амур.

³ *Kim*. 三河 Sanhe – в настоящем район Внутренней Монголии КНР.

⁴ Нуминчен (самоназвание) или хинганские (кочующие по хребту Большого Хингана) тунгусы – этноним, обозначающий тунгусов, проживающих в районе р. Нумин [Широкогоров, 2017, 121–130; Долгих, 1960, 345; Забияко, Ван, 2022, 111–128].

⁵ Солоны – тунгусы, подгруппа эвенков северо-востока и северо-запада Китая.

⁶ Дауры – монголоязычный народ севера Китая, исторически проживавший по рекам Нонни, Сунгари, Среднему Амуру.

⁷ Поппе Николай Николаевич (1897, Китай – 1991, США) – советский и американский лингвист, этнограф, специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии. Член-корреспондент АН СССР (1932).

⁸ См. Вальтер Штётцнер, «Путешествие на Северо-восток от Мергена», Известия общества изучения Маньчжурского края (Харбин), № 7 (декабрь 1928). Таблица IV, и Фритьоф Мельцер «Малырия, отравляющая опиум» (Лейпциг, 1929), фотографии на обороте с. 168, 169 и 176. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена*.

⁹ К сожалению, авторами настоящей статьи не была доподлинно установлена личность господина Токмакова. Э. Дж. Линдгрена не даёт ни инициалов, ни ссылок на персоналию. Предположительно, это мог быть Токмаков И.В. (возможно, Иван Владимирович, ? – апр. 1957, Сан-Франциско), который занимался изучением населения Монголии [Хисамутдинов, 2021, 144].

¹⁰ О фактах конокрадства, процветавшего в среде орохонов, сообщает, например, А.М. Кайгородов: «Правда об ороховах я многое слышал и знал. Знал их как ловких конокрадов <...>. Слышал я и «кровавой борьбе» орохонов, которая означала переход (через верховья Быстрой) в Кумару, скрытый подход к кочевьям своих соплеменников-манегров и угон табунов лошадей, принадлежащих последним. Иногда такие вылазки заканчивались резней и бессмысленными убийствами <...>» [Кайгородов, 1981, 9]. Е.Н. Широкогорова также отмечала, что в большинстве своём орохоны занимались конокрадством, а по словам казаков, живущих по р. Аргунь в урочище Кули, хинганские орохоны занимались убийствами и грабежами [Широкогорова, 1919, с. 9].

¹¹ Э. Дж. Линдгрена отмечает: «Многие части нуминченского костюма-1 выполнены из мучных мешков, на одном из которых, помимо нескольких русских букв, написано китайскими иероглифами «мука» и «товарный знак». Эти мешки, вероятно, принадлежали харбинской фирме, и в любом случае вряд ли могли быть созданы ранее строительства Китайско-Восточной железной дороги (1900–1903)» [Линдгрена, 1935, 367].

¹² Шапка солонского костюма-2 украшена раковинами каури и треугольными кусочками ткани. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена*.

¹³ Э. Дж. Линдгрена отмечает, что Г. Ниорадзе воспроизводит рисунок похожего шлема в качестве головного убора енисейского шамана. По М.А. Чаплицкой, железный каркас подобной формы ранее использовали буряты, а сама Линдгрена видела такой же у шамана забайкальских тунгусов (сильно бурятизированная группа). Вероятно, отмечает исследовательница, он есть и у гольдов.

¹⁴ Э. Дж. Линдгрена отмечает: «Китайские шаманы в Маньчжурии носят два очень больших головных убора (см. Мельцер, указ. соч., фотография там же, с. 216), но маленькая металлическая птичка между рогами, по-видимому, характерна для даурского, солонского и нуминченского типов [убора]» [Линдгрена, 1935, 368].

¹⁵ Э. Линдгрена отмечает, что длинная и тяжёлая бахрома из кожи (оленные тунгусы в Маньчжурии), шёлка (гольды) и других материалов используется шаманами, включая бурятских и сойотских. Бахрома присутствует на шаманских головных уборах чукчей (которые, по мнению В.Г. Богораза, во многом подражают тунгусам) [Линдгрена, 1935, 368].

¹⁶ Хадак – это монгольский термин, обозначающий церемониальные одежды, подносимые отдельно или с подарками почётным лицам, обо, ламаистским божествам и т. д. по всей Монголии; они обычно изготавливаются из дешевого бледно-голубого китайского шелка. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена*. Хадак – ритуальный шарф, оберег (например, чёрные хадаки – защита от злых духов). Хадаки разных цветов до сих пор популярны в бурятской, монгольской и др. культурах. – *Прим. авт.*

¹⁷ Головная повязка, расшитая бисером.

¹⁸ [Слово] «авун» употребляется солонками для рогатого головного убора без «короны», а также для головных уборов вообще. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена*.

¹⁹ Дамаст (также камка, камча) – ткань из шёлка, шерсти, льна, хлопка или синтетических волокон с рисунком, образованным плетением (утком). В Китае производилась примерно с VII в. н.э.

²⁰ Родственники умершей шаманки сообщили, что она предпочитала ткань как более красивой, так и менее тяжёлый материал [в одежде из которого удобно] камлать. Ниорадзе (указ. соч., стр. 61) пишет, что племена Северной Сибири (включая тунгусов) шьют шаманскую одежду из кожи, в то время как жители Южной Сибири (включая бурятов) используют ткань. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена.*

²¹ Китайского или японского производства, используемого в Северной Маньчжурии для изготовления плащей и т.д. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена.*

²² Форма у манжеты нуминченского костюма-1 и центральный мотив её вышивки поразительно перекликаются с китайским театральным костюмом под названием ман-пао [вероятно, имеется в виду 蟒袍 mǎngpáo, одежда чиновников династий Мин и Цин. – *Прим. авт.*] <...> Маньчжурские официальные платья и некоторые одеяния лам также имеют манжеты такой формы. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена.*

²³ Латунные колокольчики такого типа используются на хомутах лошадей и ослов в Китае <...> Они имеются на головном уборе гольдского шамана <...>, и, согласно Ниорадзе (стр. 66), якуты верят, что колокольчики на одежде шамана олицетворяют дух знаменитой шаманки. М. Чаплицкая упоминает «колокольчики и бубенчики» на бурятском шаманском платье <...>. Два бубенчика, похожие на те, что с иероглифом 王 wáng на нуминченском костюме-1, находились в «шаманской сумке», используемой при жертвоприношении маньчжурским предкам, и были собраны д-м Мантеллом у пекинских маньчжуров. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена.*

²⁴ Вместе иероглифы 太和 tàihé можно перевести как «великая гармония», «благоденствие».

²⁵ Э. Линдгрена в контексте интерпретирует этот иероглиф как «близнецы».

²⁶ Они также встречаются на платье забайкальского тунгусского шамана. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена.*

²⁷ Ниорадзе <...> говорит, что зеркало на груди гольдского шамана «служит защитным щитом от врагов» <...>, что якуты называют всю одежду шамана кирасой [пластинчатый доспех, состоящий из спинной и грудной пластин. – *Прим. авт.*]. <...> – *Прим. Э. Дж. Линдгрена.*

²⁸ *Kum. 地支.*

²⁹ Расположение ярусов и заострённые концы лент даурских, солонских и нуминченских «хвостов» могут происходить от очень похожих узких вставок с каймой на «дворцовых юбках», <...> которые носили в китайском театре. Но есть и китайская юбка невесты, <...> состоящая из 12 узких и 2 более широких полос, которые свободно свисают и имеют чёрную атласную кайму. Ленты выполнены в шести цветах, расположенных симметрично. Узор, создаваемый чёрной атласной каймой у основания каждой ленты, напоминает мотив на концах некоторых из первых лент «хвоста» нуминченского костюма-1. Некоторые из этих особенностей могут иметь общее маньчжурское происхождение. – *Прим. Э. Дж. Линдгрена.*

³⁰ Бутха – фудутунство или округ Цицикарской провинции Маньчжурии, в районе восточных отрогов хребта Большой Хинган.

References

1. Anderson D.Dzh. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2017, no. 5, pp. 104–122 (in Russian).
2. Baskhanov M.K. *Russkie voennye vostokovedy do 1917 goda. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian military Orientalists before 1917. Bio-bibliographic dictionary]. Moscow: "Vostochnaya literatura", 2005, 293 p. (in Russian).
3. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennoy sostav Sibiri v XVII veke* [The generic and tribal composition of Siberia in the 17th century]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960, 622 p. (in Russian).
4. Zabayako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2014, no. 4, pp. 192–202 (in Russian).
5. Zabayako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina* [Mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of the Russian Harbin]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2016, 437 p. (in Russian).
6. Zabayako A.A. et al. *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v uslo-viyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Ed. by A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2015, 462 p. (in Russian).
7. Zabayako A.P., Wang Shuai. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2022, no. 4, pp. 111–128 (in Russian).
8. Kaygorodov A.M. *Sovetskoe Priargun'e* [Sovetskoe Argun Region]. 1970, no. 2, pp. 140–149 (in Russian).
9. Kaygorodov A.M. *Retseziya. Lyuy Guantyan'. Beyfan min' tzu yuan' shi shekhuy sintay yan' tzyu (Issledovanie form pervobytno-obshchinnogo stroya severnykh narodnostey)* [Review. Lu Guantian. A study of the forms of the primitive communal system of the northern nationalities]. Yinchuan: Ninsya zhen' min' chuban'she, 1981, 522 p. (in Russian).
10. Kaygorodov A.M. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1970, no. 3, pp. 153–161 (in Russian).
11. Kedrov I. *Rubezh* [Frontier]. 1933, no. 10, pp. 3–4 (in Russian).
12. Lee R.H.G. *The Manchurian Frontier in Ch'ing History (Harvard East Asian Series, 43)*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1970, 229 p.
13. Lindgren E.J. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2016, no. 1 (18), pp. 20–34 (in Russian).
14. Lindgren E.J. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2018, no. 3 (28), pp. 251–263 (in Russian).

15. Lindgren E.J. The Shaman Dress of the Dagurs, Solons and Numinchens in N. W. Manchuria. *Geografiska Annaler*. 1935, vol. 17, pp. 365–378.
16. Sineva Yu.O. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2018, no. 3 (28), pp. 264–270 (in Russian).
17. Sirina A.A. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2018, no. 3 (28), pp. 106–111 (in Russian).
18. Khisamutdinov A.A. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya* [Bulletin of the Sakhalin Museum]. 2021, no. 2, pp. 118–156 (in Russian).
19. Tsymkal O.E., Zinenko Ya.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2023, no. 4, pp. 59–70 (in Russian).
20. Shirokogoroff S.M. *Psychomental complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner&Co, Ltd., 1935, 469 p.
21. Shirokogorov S.M. *Sotsial'naya organizatsiya severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniya i istorii etikh grupp)* [The social organization of the northern Tunguses (with introductory chapters on the geography of settlement and the history of these groups)]. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura, 2017, 710 p. (in Russian).
22. Shirokogorov S.M. *Sotsial'naya organizatsiya severnykh tungusov* [The social organization of the northern Tunguses]. Moscow: Izd-vo Nauka – Vostochnaya literatura; Seriya “Etnograficheskaya biblioteka”, 2017, 710 p. (in Russian).
23. Shirokogorova E.N. *Severo-Zapadnaya Man'chzhuriya (Geograficheskiy ocherk po dannym marshrutnykh nablyudeniy)* [Northwestern Manchuria (A geographical sketch based on route observations)]. Vladivostok: Tipografiya Oblastnoy zemskoy upravly, 1919, 47 p. (in Russian).
24. Sinev A.E., Sineva Yu.O. *V mire yazyka i kul'tury: aktual'nye voprosy i perspektivy sovremennoy nauki: mat-ly Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh* [In the world of language and culture: topical issues and prospects of modern science: the materials of the International Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Irkutsk: Izd-vo IRNITU, 2017, pp. 179–86 (in Russian).
25. Stötzner W. *Izvestiya obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya* [Proceedings of the Society for the Study of the Manchurian Region]. Harbin, 1928, no. 7, pp. 20–23 (in Russian).
26. Stuart K., Li Xuwei, Shelear. *China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore*. Sino-Platonic Papers. Ed. by Victor H. Mair. December, 1994, no. 60, 176 p.
27. Tyler N. Dr E.J. Lindgren-Utsi. *Rangifer*. 1988, no. 8 (1), pp. 40–41.

Submitted for publication: April 15, 2024.

Accepted for publication: May 07, 2024.

Published: June 27, 2024.